

**ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
УНИВЕРСИТЕТ ФАТИХ
ФАКУЛЬТЕТ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ**

**ЦИКЛ А.С.ПУШКИНА «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ» В КОНТЕКСТЕ
ЕГО ТВОРЧЕСТВА 1824-1826 гг.**

МУСТАФА УЯР

Июль 2010

ONAYLAMA SAYFASI

Enstitüsü : Sosyal Bilimler
Anabilim Dalı : Rus Dili ve Edebiyatı
Tez Konusu : A.S.Puşkin'in 1824-1826 yıllarındaki eserlerinde
"Kur'an'a Öykünme" dizeleri
Tez Danışmanı : Prof. Dr.Tamara GURTOUEVA
Tez Tarihi : Temmuz 2010

Bu tezin şekil ve içerik açısından Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tez Yazım Kılavuzunda belirtilen kurallara uygun formatta yazıldığını onaylıyorum.

Yrd.Doç.Dr. Mustafa USLU
Anabilim Dalı Başkanı

Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı 51170805 numaralı öğrencisi Mustafa UYAR tarafından hazırlanan bu tezin Yüksek Lisans Tezinde bulunması gereken yeterliliğe, kapsama ve niteliğe sahip olduğunu onaylıyorum.

Prof.Dr.Tamara GURTOUEVA
Tez Danışmanı

Tez Sınavı Jüri Üyeleri

Prof.Dr.Tamara GURTOUEVA

Yrd.Doç.Dr.Damira İBRAGİM

Prof.Dr.İldar YUNUSOV

Bu tezin Sosyal Bilimler Enstitüsü Yüksek Lisans Tez Yazım Kılavuzunda belirtilen kurallara uygun formatta yazıldığını onaylıyorum.

Doç. Dr. Mehmet KARAKUYU
Müdür

ПРЕДИСЛОВИЕ

Благодарю преподавателей отделения русского языка особенно хочу поблагодарить за поддержки руководителя проф.др. Тамару Гуртуеву и в том числе хочу поблагодарить за поддержки друга Юсуфа Бахадрыра.

Мустафа УЯР

Июль 2010

Enstitüsü : **Sosyal Bilimler**
Anabilim Dalı : **Rus Dili ve Edebiyatı**
Tez Danışmanı : **Prof. Dr. Tamara GURTUEVA**
Tez Tarihi : **Temmuz 2010**

KISA ÖZET
Mustafa UYAR

A. S. PUŞKİN’İN 1824-1826 YILLARINDAKİ ESERLERİNDE
“KUR’AN’A ÖYKÜNME” DİZELERİ.

“Kur’an’a Öykünme” adlı eser üzerindeki çalışmamızda büyük şairin müslümanlığa olan yaklaşımı bende bu konuya karşı bir ilgi uyandırmıştır. Bizim için önemli olan öncelikli olarak dini ve felsefi motifleri anlamak ve müslümanların kutsal kitabına karşı ilgi uyandıran noktalara dikkat çekmektir. Çalışmada aynı zamanda eserin kendine has olan sanatsal konuları belirlemenin yanında 1824-1826 yıllarındaki diğer eserlerinde gözlemlenen farklı anlayışlara yer verilmiştir.

Eserde önemli görülen bazı felsefi konular: yaratıcı ve kul ilişkisi, insan hayatının manası, insana verilen görevler ve geleneksel Rus Edebiyatındaki şair ve şiir konularıdır. Gerçek şair, bir peygamber; onun sözü ilahi bir davet niteliği taşır.

Bu bağlamda işlenen konular aynı zamanda şu eserlerle de içerik yönünden benzerlik göstermektedir: “Kitapçı ile Şairin Konuşması” ve “Peygamber”.

Puşkin’in Mihaylovskiy dönemine bakıldığında oradaki zaman ve mekan faktörüne, lirik kahraman tipine ve tabii ki, “Kur’an” ve “Peygamber” şiiriyle yapılan karşılaştırmalara dikkat edilmiştir.

Anahtar Kelimeler:

Kur’an, ilahi ve insani yön, lirik kahraman, sanatçının kişiliği

Факультет : **Естественных и Гуманитарных Наук**
Отделение : **Русского Языка и Литературы**
Руководитель : **Проф.Др. Тамара ГУРТУЕВА**
Дата : **Июль 2010**

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

МУСТАФА УЯР

ЦИКЛ А.С.ПУШКИНА «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ» В КОНТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА 1824-1826 гг.

Обращение к пушкинскому циклу «Подражания Корану» неслучайно: оно вызвано интересом к подходу великого поэта к мусульманской религии. Нам представляется важным понять религиозные, философские мотивы, побудившие его обратиться к темам священной книги мусульман.

В докладе будет предпринята попытка определить идейно – художественное своеобразие цикла «Подражания Корану» и осмыслить разнообразие поисков поэта через призму творчества 1824-1826 гг.

В ходе анализа выявлено разнообразие тематики, определяющей основу содержания цикла. Наиболее важными нам представляются философские темы: соотношение божественного и человеческого, смысла человеческой жизни, тема назначения человека, а также традиционная для русской литературы тема Поэта и Поэзии. Настоящий поэт – пророк, носитель Божественной истины, его слово – пророческое. Таким образом, поэзия, личность художника – для Пушкина явления самоценные и самодостаточные, потому что они открывают высшие возможности самой жизни. Наше внимание обращено к стихотворениям, в которых эта тема ведущая: «Разговор книгопродавца с поэтом», «Пророк».

При рассмотрении пушкинского цикла мы также сочли необходимым объяснить его временно-пространственную организацию, образ лирического героя и, конечно, провели сопоставление с «Кораном» и стихотворением «Пророк».

Ключевые Слова:

Коран, божественное и человеческое, лирический герой, личность художника

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИКЛ А.С.ПУШКИНА «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ» В КОНТЕКСТЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА 1824 – 1826 ГГ	I
ПРЕДИСЛОВИЕ	II
ÖZET	III
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	IV
СОДЕРЖАНИЕ	VI
Введение	2
Глава I	5
Творческие поиски А.С.Пушкина середины 1820-х годов	5
Глава II	18
Цикл «Подражания Корану» в контексте творчества 1824 – 1826 годов	18
2.1. История изучения цикла «Подражания Корану» в литературоведении XX века...18	
2.2. Идеино-художественные особенности цикла «Подражания Корану».....26	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
БИБЛИОГРАФИЯ	50

ВВЕДЕНИЕ

«Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше...». Эти слова Н.В.Гоголя определяют место А.С.Пушкина в русской и мировой духовной культуре.¹

Поэзия – один из главных предметов пушкинского творчества, а поэт – один из главных героев многих его произведений. Поэзия, личность художника – для Пушкина явления самоценные и самодостаточные, потому что они открывают высшие возможности самой жизни. К такому пониманию поэта и поэзии Пушкин приходит уже в «Подражаниях Корану», а далее выражает в «Пророке». Настоящий поэт – пророк, носитель Божественной истины, его слово – пророческое.

Исходя из эстетического и философского понимания значительности цикла «Подражания Корану» мы формулируем проблему нашей работы: предпринять попытку проанализировать стихотворения цикла и рассмотреть их в контексте творчества А.С.Пушкина 1824 – 1826 годов.

Пушкинский цикл «Подражания Корану» интересен нам во многих отношениях: во-первых, нам хочется понять отношение великого поэта к мусульманской религии, понять философско-религиозные мотивы, побудившие его обратиться к темам священной книги мусульман. Анализируя стихотворения цикла и сопоставляя их с местами из Корана, мы убедились в мировоззренческой активности поэта, другие отрицают это, выделяя эстетические проблемы в стихотворениях цикла.

Научная цель работы: Определить идейно – художественное своеобразие цикла «Подражания Корану» и осмыслить этот важный период (1824-1826 годы) в творческой эволюции поэта. Понять и осмыслить разнообразие поисков поэта через призму содержания пушкинской поэзии этого периода.

Научная новизна работы – В ходе работы мы выявляем разнообразные темы, определяющие основу содержания цикла «Подражания Корану» и пытаемся объяснить художественные способы их поэтической обработки. Мы выявляем наряду с темами философскими (соотношение божественного и человеческого, значение человеческой жизни, вопрос о назначении человека) также и темы эстетические, к примеру, вопрос о назначении поэта в жизни, который был осмыслен Пушкиным как высшая миссия поэта. Также в результате сопоставления «Подражания Корану» с «Пророком» мы определяем взаимосвязь двух произведений: одно из них – «Подражания Корану», открывающее творческие поиски Пушкина и «Пророк», который завершает путь поисков 1824 – 1826 годов.

Апробация: По данной теме была выполнена курсовая работа, а также состоялось выступление автора на конференции студенческого научного общества. Кроме того, результатом тщательной работы стало участие в XXXVIII научной конференции, где доклад автора был удостоен второго места.

Структура работы: Магистерское сочинение состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического аппарата.

Основное содержание работы: Во введении освещается актуальность темы и определена научная новизна работы.

Первая глава: «Творческие поиски А.С.Пушкина середины 1820-х годов». В данной главе рассматривается многонаправленность творческих поисков поэта в этот сложный переломный период как в его личной, так и творческой биографии. В центре нашего внимания предстают стихотворения «*К Морю*» и «*Ненастный день потух; ненастной ночи мгла*», в которых поэт выразил свою эстетическую программу. Пушкин исходит из понимания высокой миссии поэта в жизни общества. Для демонстрации этого мы даем краткий анализ стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), касающийся темы поэзии и поэта.

¹ Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6-ти томах, М., т.6, 1959. С.13

Вторая глава: «Цикл “Подражания Корану” в контексте творчества 1824-1825 годов”. Она состоит из двух разделов. В первом разделе рассматривается история изучения цикла «Подражания Корану» в литературоведении XX века. Цикл «Подражания Корану» мало изучен, нередко встречаются суждения, явно противоречащие друг другу. Поэтому возникает потребность систематизировать существующие точки зрения. На наш взгляд, также встает потребность рассмотреть «Подражания Корану» в свете общих закономерностей творчества А.С.Пушкина середины 20-х годов. Это сложный и важный период в творческом развитии поэта, ведь именно в это время происходит его переход от романтизма к реализму.

Поэзия этого периода определяется многонаправленностью поисков: эстетических, социальных, философских. Это напряженнейший период в жизни Пушкина: его переводят с юга на север; было подавлено декабрьское восстание – все это в совокупности отразилось на творчестве поэта и определило его дальнейшее движение. Не случайно в этот период в центре внимания Пушкина – тема поэта и поэзии; она центральная и в «Подражании Корану». Наше внимание обращено к стихотворениям, в которых эта тема ведущая: «Разговор книгопродавца с поэтом» и «Пророк».

Актуальность: избранная нами тема мало исследована, различные ученые высказывают разные точки зрения. Одни из них акцентируют внимание на религиозных вопросах стихотворений цикла, связывая их содержание как с религиозно – философскими высказываниями, например, П.В.Анненкова, Д.И.Овсяннико-Куликовского, так и представителями XX века: В.Б.Томашевского, Н.В.Фридмана, Г.А.Гуковского, К.С.Кашталевой и других.

Во втором разделе представлен анализ в стихотворениях цикла «Подражания Корану». При рассмотрении мы попытаемся объяснить его пространственно-временную организацию, образ лирического героя и проведем сопоставление с Кораном. В завершении раздела будет произведен сравнительный анализ цикла и стихотворения «Пророк».

Глава I.

Творческие поиски А.С.Пушкина середины 1820-х годов.

1823 год был переломным в жизни Пушкина: пережитый им идейный кризис обновил весь мир его нравственных, эстетических и философских представлений. Нараставшая неудовлетворенность романтизмом привела к его пересмотру. Духовное перерождение Пушкина обусловило новое отношение к жизни, людям, страстям. «Доверие к действительности, к реальному человеку, к своим чувствам освободило от привычки смотреть на все глазами предубеждений – романтических книжных, светских, помогло избавиться от образа гордой, непонятной, одинокой и разочарованной в жизни и в своих чувствах личности» (25, с.40). Это состояние поэта определило проблематику стихотворения «*Я пережил свои желанья. Я разлюбил свои мечты*» (1821г.) Стихи, написанные на юге, были наполнены «безымянными страданиями», в них говорилось о «свободах скал», «пышных берегах», «блещущих водах» моря, изменах, обманах «девы юной» и т.д. Все это позже Пушкин определит как «высокопарные мечтанья».

Середина 1820-х годов (особенно «*михайловский период*») характеризуется необычайным количественным и качественным расцветом пушкинской лирики. В этот период был завершён переход от романтизма к реализму не только в драме и поэмах Пушкина, но и в лирике. Важнейшим фактором в этом отношении явилось то утверждение принципа народности во всех областях искусства и жизни, к которому Пушкин приходил в эти годы, и та новая обстановка, которая стала окружать его в связи с переездом с романтического юга в «далекий северный уезд».

Смена романтического направления реалистическим (то есть сознательным стремлением сделать литературу органом познания, верного отражения действительности) в русской литературе произошла в творчестве Пушкина в середине 1820-х годов.

Этот переход на новую ступень был у Пушкина вовсе не спокойным и постепенным, а сопровождался не длительным, но в высшей степени тяжёлым и мучительным кризисом. В этот период (1823-1824) мы обнаруживаем в стихах

Пушкина мотивы, чуждые раньше его поэзии и после не повторявшиеся в ней, настроения и идеи, резко противоречащие общему характеру пушкинского творчества: глубокий пессимизм, разочарование в идеале свободы, Просвещения, разочарование в поэзии, любви, дружбе, едко саркастическое, «циническое», по выражению самого Пушкина, отношение ко всему существующему. Эти же необычные для Пушкина настроения звучат и в его письмах того периода.

Выражением идейного кризиса Пушкина в 1823 году явилось стихотворение «Демон». «Злобный гений», навещавший поэта, вливал в душу «хладный яд», «Он вдохновенъ презирал/ Не верил он любви, свободе». Преодолев романтизм, прочно встав на почву реальной действительности, Пушкин выработал новые убеждения, новые идеалы. Тогда-то он и вернул «возвышенным чувствам» - свободе, славе и любви» - их реальный и великий смысл. Любовь, свобода и творчество – это для Пушкина то, что определяет полную самореализацию личности.

Этот период включает такие стихотворения как: «Кто, волны, вас остановил» (1823), «Надеждой сладостной младенчески дыша» (1823), «Демон» (1823), «Свободы сеятель пустынный» (1823), «Телега жизни» (1823). В июле 1824 г. он был уволен со службы и отправлен в ссылку в село Михайловское под надзор гражданских и духовных властей.

Пушкин приехал в Михайловское в самом подавленном настроении. После шумной и открытой одесской жизни Пушкина ожидала глухая деревня. Вместо богатой южной природы, яркого южного солнца – серое небо, сырая осень, скудная природа севера. Позднее, в строфе «Путешествия Онегина» Пушкин описал свой приезд в Михайловское:

*А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.*

Стремительность художественного развития Пушкина в эти годы поразительна. От *«Руслана и Людмилы»* (1820) до выхода в свет первой главы *«Евгения Онегина»* (1825) каждое следующее произведение Пушкина открывало для русского общества все новые художественные миры. *«Кавказский пленник»* (1822) занял умы живым очерком и остро ощущавшейся связью с современной жизнью. *«Бахчисарайский фонтан»* поразил воображение описаниями роскошной южной природы, живой передачей всех оттенков любовных переживаний. Первая глава *«Евгения Онегина»* по какому-то волшебству переносила читателей от романтических фонтанов и роз Бахчисарая к реалистическим зимним картинам северной столицы и вводила в сознание русского общества еще более сложный характер, связанный с героем *«Кавказского пленника»* какими-то неуловимыми чертами внутреннего сходства и в то же время лишенный привычного для литературных героев того времени ореола романтики и как бы естественно выраставший из всей той сложной, пестрой и противоречивой петербургской жизни, с таким блеском воспроизведенной в первой главе романа в стихах.

В лирике Пушкина в середине 20-х годов прослеживаются интересные и самые разнообразные темы, по мотивам которых были созданы те или иные произведения. Например, тема *«вольнлюбивых надежд»*, порывов к свободе, вольности составляет одну из основных тем пушкинского творчества этого периода. Тема эта пронизывает большинство южных поэм. Снова и снова звучит она в пушкинской лирике. Здесь она окрашена и в личные, автобиографические тона: поэт сам тяжело томился в неволе, рвался из ссылки к друзьям, в столицу. Однако личное сливалось с общественным, с освободительными мыслями и надеждами не только передовых декабристских кругов тогдашнего общества, но и еще мира народа, закрепощенного крестьянства.

После нескольких месяцев счастливой жизни, проведенных на Кавказе, в Крыму и в Каменке, создавших какую-то иллюзию личной свободы, острее переживалось чувство вседневной связанности и зависимости от чужой воли. В таких условиях создавался своеобразный романтически окрашенный лиризм изгнания, переплетавшийся с горьким лиризмом измены друзей и любви.

Первым крупным стихотворением, написанным в Михайловском, было «К Морю». И здесь мысль поэта переносит его на юг, на берег Черного моря:

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой.
Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный,
Услышал я в последний раз.*

Прощаясь с морем, Пушкин прощался с югом, со всеми впечатлениями последних лет, со всеми поэтическими замыслами, родившимися и осуществленными на юге, с завершённым периодом жизни, со своей поэтической молодостью.

Прощание с морем является одновременно прощанием с романтизмом. В лирическом пути Пушкина южного романтического периода первое и последнее стихотворения посвящены морю. В начале южного периода Пушкин писал:

*Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*

Так и теперь, прощаясь с романтической юностью, он повторяет:

*Шумы, взволнуйся непогодой.
Он был, о, море, твой певец!*

Самое значительное стихотворение, замыкающее романтический период и уже намечающее новые темы, - «Разговор книгопродавца с поэтом», датированное в рукописи 26 сентября 1824г. Стихотворение это появилось в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина» и, по-видимому, было задумано именно в качестве такого введения к роману.

И реализм Пушкина выносил приговор социальному режиму порабощения и насилия — самодержавно-крепостническому строю в России, буржуазному на Западе. Он осуждал тех, кто предавал свою человеческую природу или отступался от нее. Но пафосом его было не обличение, а утверждение, открытие возможностей человеку выявлять свои нравственные резервы. Путь к этому — противостояние человека враждебным ему обстоятельствам, готовность отстаивать свои права, не спустить обидчику, вступить в борьбу с насилием, поднять бунт. Тем самым Пушкин обогащал и преобразовывал реализм, начиная новый этап его истории.

Для реализма Пушкина характерно извлечение поэзии из предметов самых обыкновенных. Это постоянно отмечали Гоголь и Белинский — первые критики Пушкина. Но мало сказать, что он увидел и запечатлел навечно прекрасное в жизни, поэзию действительности. Высшая поэзия заключена в человеке. А для Пушкина — в человеке, способном противостоять угнетающим его обстоятельствам, поднимать бунт.

Для уяснения особенностей пушкинской лирики этого периода важен учет новой жизненной обстановки в связи с переездом с юга в Михайловское. «Все, что напоминает мне море,- писал Пушкин В.Ф.Вяземской в октябре 1824г. — наводит на меня грусть - журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова, — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства; но, слава (богу), небо у нас сивое, а луна точная репка»²

В условиях такой настроенности создается одно из самых трагических стихотворений пушкинской лирики этого периода — «*Ненастный день потух; ненастной ночи мгла*» (1824), опубликованное Пушкиным с нарочито неверным отнесением к 1823г., явно противоречащим резко подчеркнутому в стихотворении противопоставлению северной природы южной:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла.

По небу стелется одеждою свинцовой;

Как приведение, за рощею сосновой

Луна туманная вошла.

² Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.: Л., АН СССР, 1962, С.123

*Все мрачную тоску на душу мне наводит
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой.
Под голубыми небесами...*

Это стихотворение входит в замечательный цикл лирики Пушкина, связанный с именем Е.К.Воронцовой. Каждое стихотворение этого цикла непосредственно вырастает из совершенно определенного комплекса пушкинских переживаний и связано с той или иной конкретной жизненной ситуацией. Таково стихотворение «Сожженное письмо» (декабрь 1824 г. – январь 1825 г.), последовательно воспроизводящее в зрительно – осязаемых образах все этапы сожжения письма, хранящего на сургучной печати оттиск заветного перстня:

*Уж пламя жадное листы твои приемлет.
Минуты!.. Вспыхнули! Пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Совершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты.
Белеют...*

Непосредственно связано с этим мотивом сожжения письма и недоработанное стихотворение «Пускай увенчанный любовью красоты» (сентябрь-октябрь 1824 г.), говорящее о счастье человека, спокойно хранящего в золотой оправе портрет любимой и ее тайные письма- «награды долгой муки», тогда как:

*... В тихие часы томительной разлуки.
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной-
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.*

В это время еще написаны стихотворения «Младенцу» (октябрь 1824 г.) и «Коварность» (18 октября 1824 г.).

И так создавался комплекс лирических настроений, из которых процветут и неповторимая лирика Михайловского и Тригорского, с их липовыми аллеями, рощами и склонами холмов, и поэзия ганнибаловских предков («Арап Петра Великого»), и лирика дружества, окрашенного лиризмом изгнания («19 октябрь»). И поэзия деревенских вечеров («Зимний вечер»), и вся любовная лирика этих лет, скрашивавшая закованные дни поэта, от полушутливых-полусерьезных признаний («Признание») до таких перлов мировой поэзии, как «Я помню чудное мгновение».

Создавшийся в поэзии Пушкина лиризм деревенского изгнания был настолько совершенен и художественно впечатляющ, что живо захватил и другого поэта — Н.М.Языкова, посетившего Тригорское летом 1826 г. и в ряде своих стихотворений оставившего живые поэтические описания Михайловского и Тригорского, и той атмосферы, какая окружала Пушкина в его новой ссылке. Об этой своеобразной и неповторимой, полной ощущения молодости, чувства дружества и любви, силы и горячих надежд, в атмосфере, создававшейся в Михайловском и Тригорском в 1825-1826 гг. В связи с приездом туда опального поэта и во многом скрашивавшей тяжесть его новой ссылки, он сам писал осенью 1824 г. в послании к А.Н.Вульфу:

*Запируем ум, молчи!
Чудо-жизнь анахорета!
В Тригорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы уже то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.*

Новое отношение к лирической поэзии, к какому Пушкин подходил в Михайловский период, в конечном счете, должно быть охарактеризовано как преодоление субъективизма элегического стиля, казавшегося ранее первоосновой лирики, и в связи с этим решительный поворот к воспроизведению в лирических образах всего богатства и разнообразия объективного мира.

Поэзия понималась Пушкиным как главнейшее условие духовного самоутверждения и самоосуществления людей, а сам поэт – как первое лицо, несущее всю полноту ответственности за наши деяния и нас самих. Все творчество Пушкина от первой и до последней строчки – непрерывное и все более нарастающее самовзыскание за обращение со своим даром, буквально преследование себя и расправа над собою за малейшее пренебрежение к нему, как правило, лишь кажущееся.

Потому что в даре своем Пушкин видит весь смысл своей жизни. «Поэзия, - говорит он, – бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами: она объедает и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...» (7, с.6). Хотя с аналогичными высказываниями о поэте и поэзии мы встречаемся и у других великих поэтов, например, у Гете, всё же пушкинское понимание поэтического дара является особенным, в полном смысле уникальным. Как ни высоко ставил Гете поэзию, сколько ни говорил он о ней, что поэтом можно только родиться, однако он был не прочь вменить поэту в обязанность служение своей поэзией другим, не поэтическим целям. Ну хотя бы, как он это делает в «Фаусте», достижению окончательного познания мира и полного овладения миром.

У Пушкина поэзия важна только своим поэтическим делом, но это означает лишь то, что ее интересы простираются на все дела, человеческие суждения, ни в коем случае не подменяя собою ни одно из них.

Уникальность пушкинского дарования в том, что для Пушкина нет большей награды за свое творчество, чем быть на уровне своего дарования. Тогда как его последователи, причем такие, как Лермонтов, Гоголь, Достоевский и Толстой, ждали чего-то такого, чему бы служило их искусство. Пушкин хочет только одного – оставаться всегда верным своему искусству. Пушкину достаточно только быть поэтом, делать свое поэтическое дело, как положено поэту, остальное, верит он, приложится само собой.

Суть Пушкина исключительно в его поэтическом даре, тоже, разумеется, как человеческом качестве, однако как бы растворяющем в себе другие его человеческие качества. В некотором смысле противоположностью Пушкина выглядит Лермонтов, поэтическое дарование которого находилось как бы в известном подчинении нравственным задачам. О том свидетельствует неопровержимо его «Пророк» (1841), как бы формулирующий эстетическую программу автора:

*С тех пор как вечный судия,
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.
Провозглашать я стал любви.
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.*

Пушкин смотрит на мир глазами художника, только путь его к простоте более прям. В своей прозорливости он также до конца остается художником. Отсюда неуклонность возвышения пушкинского гения, стремительное расширение его общественно-исторического кругозора. Тут даже не причина и следствие, но какое-то совмещение их, одновременное нарастание совершенства пушкинской поэзии и ее общественной прозорливости. Потому, как в том был с самого начала убежден Пушкин, поэт, живущий в определенное время, преломляет в своем творчестве качества этого времени.

Следовательно, согласно Пушкину, в поэте вообще, если он, конечно, великий поэт, пульс его эпохи бьется с неслышанным наполнением. Здесь предпосылка пушкинской формулы: «История принадлежит поэту». Для историка она только предмет изучений, которые неизбежно знают свой предел, потому как знания всегда ограничены. Поэт же овладевает предметом, поскольку овладевает собою, ибо предмет его прежде всего в нем самом, а это уже совсем другое дело,- он единственен и неповторим, значит, неповторимо и непревосходимо также его искусство, в данном случае углубление в историю.

Пушкинская поэзия представляет собою испытание души человеческой на предмет самого бесстрашного и самого возвышенного восприятия человеческого бытия, начиная со своего собственного, в результате она рисует нашу жизнь как увлекательнейшую и одновременно показывает мучительные слабости, без которых мы не были бы самими собой.

Для понимания духа поэзии Пушкина важно одно обстоятельство: неоднократная перепечатка «отрывка из письма»- только пример уникальной творческой уверенности в том, что его мысли, его картины и образы, его поэтические находки, словом, его жизненный и духовный опыт обладают несомненным правом на всеобщее оглашение.

«Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической – внутренняя красота человека и лелеющая душу гуманность. К этому прибавим мы, что если всякое человеческое чувство уже прекрасно потому (...), что оно человеческое, то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно как чувство изящное. Мы здесь разумеем не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда в высшей степени прекрасна; нет, каждое чувство, лежащее в основании каждого его стихотворения, изящно, грациозно и виртуозно само по себе: это не просто чувство человека, но чувства человека-художника, человека-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, краткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина», - так охарактеризовал В.Г.Белинский Пушкина-поэта.³

Место поэта в мире, его человеческая миссия – центральная проблема творческого самоознания Пушкина. Поэт – это пророк, голос высшей объективности, орган верховной силы – самой действительности, истину которой он разоблачает перед народом. Но в то же время поэт – это художник, не знающий над собой иного закона, кроме артистического совершенства, отвергающий любое этическое, идейное, общественное принуждение, всякое служение внешней цели. Поэт-художник свободен, как природа, хотя, не в пример природе, и не свободен от непререкаемых, требований нравственного закона – начало человечности.

³ Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-и томах, М., т.6, 1981, С.44

Таковы две стороны миссии поэта в образном строе пушкинской поэзии. Здесь перед нами не полюсы формальной оппозиции, а стороны диалектического единства. Мысль Пушкина, как и вся его поэзия, глубоко диалектична. Это ее поразительная черта всегда выступает как следствие непосредственного гениального восприятия отношений действительности.

У Пушкина поэт не расщеплен надвое — художника и человека, а несет в себе живое противоречие: как пророк он носитель объективной внеличной силы искусства, как художник — носитель высшей человеческой свободы, которая ни в коем случае не есть произвол. Поэт целен и един в своей сущности.

Истинная поэзия, считает Пушкин, достигая художественной зрелости, говорит языком глубоких чувств и мыслей, языком «честного простолюдина» (28,с.9). Теме поэзии посвящено стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824). Здесь в роли «Демона», «вливающего хладный яд» в душу поэта, выступает книгопродавец, добивающийся у него, чтобы тот продал ему рукопись новой поэмы. Книгопродавец — пошляк, обыватель, он ценит поэзию только с точки зрения дохода, который она приносит автору (и книгопродавцу). О самой поэзии он отзывается очень пренебрежительно:

*Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть
Стишки любимца муз и граций
Мы в миг рублями заменим
И в пух наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...*

Резкую противоположность этим словам представляет собой вдохновенная речь поэта, выражающего типично романтическое отношение к искусству.

Поэт готов вовсе отказаться от своего дара:

Блажен, кто молча был поэт.

Книгопродавец тщетно уговаривает поэта писать ради славы — поэт ею гнушается, ради успеха у женщин — поэт их презирает, ради любви — поэт знает только

неразделенную любовь... Если не считать недостижимого идеала любви, у поэта остается незабываемым только один романтический идеал – свобода. На вопрос книгопродавца:

*Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?
- Свободу,-*

отвечает поэт. Книгопродавец, истолковывая это понятие, лишенное всякого общественного значения, покровительственно разъясняет поэту, что такое свобода в буржуазном обществе. Спор заканчивается полной победой циника книгопродавца над романтиком-поэтом. В ответ на лапидарную формулу расценивающего все на деньги дельца:

*Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать,-*

поэт не находит уже возражений. Он вполне соглашается с ним. К тому же удивительно пушкинское чутье формы, точно соответствующей содержанию, запрещает ему отказ поэта от романтически – возвышенного взгляда на поэзию, согласие с прозаически-обывательским отношением к искусству выражать в стихах. Заключительная реплика поэта звучит в прозе: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся».

Среди писем Пушкина этой эпохи есть одно, в котором те же мысли, те же настроения выражены еще резче. Это письмо к брату 1824 года (январь – начало февраля), которое вообще отличается каким-то озлобленным, горько-циничным тоном. Вот что мы читаем в этом письме: «..что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться... Но зачем же ты пел? – на сей вопрос Ламартина отвечаю – я пел,

как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, (имеется в виду бездарный поэт В.А.Козлов), лекарь морит – за деньги, за деньги таков я в наготе моего цинизма».⁴

Это заявление Пушкина настолько противоречит тому, что Пушкин постоянно говорил на эту тему как раньше, так и позже, что мы в нем должны видеть еще одно подтверждение особого скептически – озлобленного состояния духа поэта, сопровождавшего утрату им его романтических идеалов. Стоит только обратить внимание на это злобно – настойчивое трехкратное повторение слов: «за деньги, за деньги, за деньги» ! – подобное аналогичному повторению в «Разговоре книгопродавца с поэтом»:

Нам нужно злата, злата, злата...

Так разделяется Пушкин с романтическим представлением о высокой ценности поэзии.

⁴ Белкин Д. И. Концепция Востока в творчестве Пушкина. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, С.120

Глава II.

Цикл «Подражания Корану» в контексте творчества 1824-1826 гг.

2.1. История изучения цикла «Подражания Корану» в литературоведении XX века

Хочется сразу же указать на то, что истинное значение «Подражаний Корану» в литературоведении еще недостаточно определено. Существует много различных комментариев, далеко не однозначных, которые мы попытаемся изложить в этой главе магистерской работы.

Из большого числа проблем, рассматриваемых исследователями творчества А.С.Пушкина, на наш взгляд, не случайно рассматривается та, которая стоит в центре их внимания – проблема *соотношения объективного и субъективного начал* в этом цикле стихотворений поэта. В пушкиноведении высказаны две основные точки зрения на этот цикл. Согласно первой из них – точке зрения Б. В. Томашевского – Пушкин стремился к объективному отражению своеобразных черт Корана независимо от того, имел ли поэт в виду религиозные, культурно-исторические или стилистические особенности памятника. В точке зрения, выдвинутой П.В.Анненковым в его работе «Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), «Подражания» выражают личное настроение Пушкина, то есть имеет место субъективное начало. В наше время эту точку зрения развил Н. В.Фридман, стремившийся установить «автобиографичность произведений Пушкина, внутренне объединенных образом пророка»... «Подражания Корану», по Н. В. Фридману, «... не пестрые узоры, расшитые по канве Корана или Библии, но значительные признания, раскрывающие пушкинскую трактовку задач независимого писателя». В поздней статье Н. В. Фридман вновь подчеркивает высказанную им мысль об автобиографичности стихотворений, заявляя, что в них «поэт нарисовал себя в образе пророка, хранящего и отстаивающего собственную независимость, несмотря на постоянные гонения»⁵

⁵ Соловей Н. Я. Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979, С.165

Ещё в 1874 году в книге "Пушкин в Александровскую эпоху" первый биограф великого поэта П.В.Анненков высказал предположение, что у автора "Подражаний" в "выборе оригинала для самостоятельного воспроизведения" "была ещё другая причина, кроме той, которую он выставил на вид". Какая же это причина? Анненков пишет: "Алкоран служил Пушкину только знаменем, под которым он проводил своё собственное религиозное чувство. Оставляя в стороне законодательную часть мусульманского кодекса, Пушкин употребил в дело только символику его и религиозный пафос Востока, отвечавший тем родникам чувства и мысли, которые существовали в самой душе нашего поэта, тем ещё не тронутым религиозным струнам его собственного сердца и его поэзии, которые могли теперь впервые свободно и безбоязненно зазвучать под прикрытием смутного (для русской публики) имени Магомета. Это видно даже по своеобразным прибавкам, которые в этих весьма свободных стихотворениях нисколько не вызваны подлинником".

Ясно, что Анненков сличал пушкинские "Подражания" с Кораном. Однако доказательств религиозного характера побуждений Пушкин обратиться к священной книге мусульман у него нет. И быть не могло. Ибо даже "своеобычные прибавки" поэта к текстам Корана трудно трактовать в пользу пробуждения у него, впитавшего рационалистические взгляды XVIII века, религиозных чувств, да ещё и выразившихся в такой "экзотической" форме, как приверженность к исламу.

Согласно второй, процитировав сочувственно приведенные выше соображения Н. В. Фридмана и проанализировав ряд подражаний, Б. В. Томашевский сделал следующий вывод: «Для Пушкина «Подражания» были только предлогом для разработки собственных лирических тем». Ученый полагал, что Пушкин значительно отступал от текста Корана, вводя темы, отсутствующие в нем. Наши наблюдения над текстом Корана в сопоставлении с пушкинскими стихотворениями показывают, что Пушкин не так много отступал от текста Корана, *он всего лишь сокращал коранические суры, развивая их темы*. Содержание Корана многоохватно, в нем присутствуют все темы, касающиеся человека и мира, его окружающего. По мнению ведущих современных исламистов, Коран есть перевод книги Вселенной. Вселенная — это книга с упорядоченно расположенными страницами. И у этой книги должен быть читатель, изучающий ее пристально. Так вот человек и есть этот читатель, и комментарии к книге вселенной находятся в Коране.

В своей более ранней работе Б.В.Томашевский высказался еще более определенно: «В «Подражаниях Корану», кроме нескольких формул, мы не встретим никакого стремления копировать дух и слог Магомета. Пушкин далеко уходит от текста выбранных им отрывков Корана, влагая в свои переложения свои лирические темы и свою фразеологию, не воспроизводящую фразеологию того перевода, которым он воспользовался (русский перевод Веревкина)».⁶

Уже после работы Б. В. Томашевского появились новые исследования, которые в той или иной мере касались «Подражаний Корану». Так, точку зрения Б. В. Томашевского развивал С.Б.Рассадин. В то же время в кандидатской диссертации «Концепция Востока в творчестве Пушкина» Д. И. Белкин разделяет точку зрения тех, кто видит в этих стихах только объективное отражение черт Корана: «Объективное содержание Корана стало содержанием и стихотворного цикла. Авторское субъективное не входит ни в один из образов «Подражаний». Последние даны, можно сказать, так, как они представлены в древнем памятнике».

В самом общем виде наш взгляд на «Подражания Корану» сводится к тому, что обе определившиеся точки зрения не лишены оснований и их не следует противопоставлять. С одной стороны, Пушкин действительно стремится дать объективное представление о некоторых особенностях Корана и его творце Мухаммеде с позиций реалистического подхода к изображению действительности. С другой стороны, «Подражания Корану» лиричны и автобиографичны, хотя их нельзя рассматривать только как «предлог для разработки собственных лирических тем», как считал Б. В. Томашевский, писавший: «Когда мы говорим, что «Подражания Корану» в высшей степени лиричны и автобиографичны, то при этом имеем в виду, что в них сквозь объективное отображение отдельных мест Корана и его творца проступает вторым планом комплекс переживаний Пушкина, связанных с пребыванием в Михайловском в 1824г.».⁷

⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Л.: «Наука», 1986, С.168

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. Т.2. М.: «Художественная литература»,1990, С.126

«Подражания Корану» написаны осенью 1824 г., когда Пушкин, преодолев кризис романтического мировоззрения (1822-1824), пришел к пониманию реалистических задач художественной литературы. В этом цикле стихотворений Пушкин реалистически воссоздает особенности арабской культуры, стремится дать объективное представление о Коране и его творце Мухаммеде. Одновременно Пушкин развивает в этом цикле мысли о поэте-пророке и о его важном общественном назначении. Тема эта, глубоко личная для Пушкина, отражает переживания поэта осенью 1824 г., связанные с преодолением кризиса.

Цикл "Подражания Корану" состоит из 9 стихотворений и 5 примечаний в прозе. «Изучение текста примечаний, - как отмечает Н. М. Лобикова, - не оставляет сомнений в том, что Коран интересовал поэта с общефилософской и нравственно-поэтической стороны, привлекал внимание как исторический памятник своеобразной художественной культуры. Характерно, например, такое замечание Пушкина: «многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом».

Пушкину была интересна личность самого Мухаммеда, которого он, как и М. И. Веревкин считал автором Корана. Переводчик писал во вступительной статье к переводу: «Магомед действительно был сочинитель и вымыслитель Аль-Корана, сие есть неоспоримо, хотя, вероятно же, имел себе помощников в том». Читая Коран, Пушкин познакомился и с приложением к нему – статьей «Житие Лжепророка Магомета вкратце», написанной библиотекарем Сорбонны аббатом Ладковатом. В кратком библиографическом очерке утверждается, что основатель мусульманской веры – историческое лицо. Он родился 5 мая 569 года н. э. в обедневшей семье знатного происхождения. С шести лет он остался сиротой и воспитывался сначала своим дедушкой Абд аль-Мутталибом, а затем – своим дядей, торговцем Абу Талибом. Дядя отдал его на службу к богатой вдове Хадидже, торговавшей с Сирией. Хадиджа влюбилась в своего помощника и вышла за него замуж.. Мухаммед страдал падучей болезнью (эпилепсией), но скрывал это от жены, уверяя ее в том, что временами лишался чувств и испытывал смятение и трепет потому, что к нему являлся архангел Джабрил (Гавриил) и предавал ему от бога законы новой веры. После смерти Хадиджи пророк взял себе в жены двенадцать женщин. Стали распространяться слухи, что

Мухаммед – великий пророк, у него появились ученики. Правители Мекки решили убить Мухаммеда так, как боялись потерять власть из-за народных волнений связанных с его популярностью. Мухаммед, узнав про это, решил бежать из Мекки в Медину 16 июля 622 года. Там он открыл ученикам замысел свой – утвердить новую веру силой оружия. Его отряды успешно грабили караваны на пустынных дорогах Аравии. В 630 году Мухаммед захватил Мекку и стал ее правителем. В 632 году одна из служанок решила проверить истинный ли он пророк и подала ему отравленную еду. Мухаммед умер в возрасте 63, отравившись ядом.

Жизнь Мухаммеда интересовала Пушкина ещё и потому, что многие эпизоды из жизни пророка перекликались с привлекавшей его темой – певца-изгнанника, гонимого властью, людьми. В Мухаммеде Пушкин видел гонимого поэта.

Прежде чем говорить о личности Мухаммеда в «Подражаниях Корану» необходимо упомянуть о композиционной особенности Корана, как первоисточника «Подражаний». Коран состоит из 144 сур (глав). Суры создавались в разное время в Мекке, Медине. Текст Корана начинается с законодательного свода, то есть с поздних мединских сур. Мекканские суры, написанные ранее, расположены в конце. Суры отличаются друг от друга количеством аятов (стихов), которое колеблется от 3 (в 103, 108, 110 суры) до 286 (во 2 суре). Александр Сергеевич знал, что последовательность отдельных сур Корана зависела от собирателей заповедей пророка, и то, что порядок их установлен Абу Бекиром, приемником Мухаммеда.

Как мы сказали, П. В. Анненков высказал о «Подражаниях Корану» противоположное мнение. По его мнению, этот цикл отражает личное настроение Пушкина. Это замечание Анненкова говорит о его проникновении в душу поэта, в переживаемое Пушкиным эмоциональное состояние этого периода; его замечания отличаются наблюдательностью. Ясно, что Анненков тщательно сопоставлял «Подражания» с оригиналом.

Другой круг вопросов, поднимавшихся в связи с «Подражаниями Корану», связан с самой темой «Подражаний». Спорили о том, что привлекло Пушкина и что было его целью: религиозное ли содержание, историко-культурный тип, отразившийся в Коране, либо чисто поэтическая сторона памятника.

Таким образом, Анненков решил вопрос в пользу религиозных настроений (но не в объективном, а в субъективном плане). Аналогичный подход можно отметить и в ряде других работ. А. Незелов видит в «Подражаниях» «согревающую» их «религиозную мысль». Н. И. Черняев утверждал: «Как это ни странно, Коран дал первый толчок к религиозному возрождению Пушкина и поэтому имел громадное значение в его внутренней жизни».

Как религиозно-поэтическое произведение трактовал «Подражания» Д. И. Овсяннико-Куликовский: «Лирическая интуиция» Пушкина с особенной яркостью проявилась в «Подражаниях Корану», где звучат специфические мелодии арабского религиозного лиризма, которые чуткое ухо Пушкина уловило во французском переводе священной книги мусульман».⁸

Цитируя первое подражание, автор делает заключение: «... вам должно быть ясно, что эта религиозная лирика не может быть названа ни библейской, ни христианской, ни какой-либо иной, кроме как мусульманской, и при том не вообще мусульманской, а специально той, которая возникла и звучала в проповеди Мухаммеда в эпоху возникновения его религии». Во всех подражаниях автор видит «ритм религиозной антитезы: Бог и Мухаммед»

К этому вопросу подошел Г. А. Гуковский со своей концепцией: «Подражания Корану» - это уже реалистическое воссоздание восточной культуры... Пушкин показывает, а не намекает, и показывает не только психику, а быт — самую жизнь, самые условия этой жизни. Субъективное начало подчиняется объективному, не растворяясь в нем».⁹

Наконец, мнение о том, что объектом «Подражаний» является сама система поэтических образов Корана высказано К. С. Кашталевой: «И философия Корана, и историческая физиономия народа, его создавшего, переданы так хорошо не потому, что это было задачей «Подражаний», а потому что и философия и быт Корана выражены в его поэтических образах, и, передавая самые яркие его образы, Пушкин невольно и

⁸ Пушкин об искусстве / под ред. Вишневского А. А. Т.1 М., 1990, С.197

⁹ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965, С.241

закономерно передал самое интересное из его содержания. Но поэт оставался поэтом. Привлечь и возбудить его творчество могла только поэзия»¹⁰

Новую точку зрения и, как нам кажется, наиболее близкую к истине, высказал Н. В. Фридман. Автор показал «автобиографичность произведений Пушкина, внутренне объединенных образом пророка».

Трудно сказать, произошло ли автобиографическое осмысление образа пророка в ходе работы Пушкина над Кораном или поэт только после сочинения «Подражаний» стал проводить параллели между собственной судьбой и жизнью основателя ислама. Но независимо от творческой преднамеренности этих сближений и степени их серьезности, Пушкин имел неоспоримое право ассоциировать своей лирической облик с образом пророка.

Как бы то ни было, на первом этапе работы над стихотворным циклом Пушкин увлекся мотивами столь же магометанского, сколь и библейского свойства. Именно к этим генетически первым трем пушкинским «Подражаниям» наиболее применима характеристика, данная Б. В. Томашевским как «духовных од». Далее ученый отмечает, что жанр «духовных од», несмотря на религиозную оболочку, вовсе не замыкался в узкой сфере религиозных размышлений. Это был жанр, широкий по охвату тем и лирических настроений. В какой-то степени этот жанр в эпоху господства оды в лирической поэзии является предшественником такого рода стихотворений, которые в эпоху господства элегий отошли в область так называемых «медитативных элегий». Особенно псалмы давали материал для развития тем, по существу никак не связанных с религиозными догмами.

Лирический субъект первых по времени «подражаний» вовсе не бог, а человек, ощущающий величие и разумную непреложность законов природы, перед лицом которых суетны спесь и честолюбие людские. В этих стихотворениях впоследствии будет сосредоточена лирическая доминанта всего цикла.

Для понимания логики движения творческого замысла «Подражаний» особенно важна одна, не особенно значительная, на первый взгляд, деталь, относящаяся к источнику притч, которые составили содержание двух последних стихотворений цикла.

¹⁰ Записки Коллегии Востоковедов, т.5. 1930, С.268

В пушкиноведческой литературе утвердилось мнение о том, что в качестве первоисточника для своих «Подражаний» Пушкин использовал перевод Корана, выполненный М. Веревкиным. Это мнение справедливо, но недостаточно. Последние стихотворения цикла неопровержимо свидетельствуют, что к концу октября 1824 г. Пушкин имел перед глазами французский перевод Корана, выполненный М. Савари. На данный источник указал еще Л. Поливанов, постоянно соотносивший пушкинский текст именно с этим переводом.

В конце октября 1824 г. Пушкин, несомненно, ознакомился в Михайловской ссылке не только с французским текстом Корана, но и с обильными примечаниями к нему, а главное – с достаточно подробным жизнеописанием Мухаммеда, предпосланным переводу Савари. По всей вероятности, этой книги у Пушкина не было еще месяц назад, когда он приступил к созданию цикла, и приобрел он ее именно в связи с работой над «Подражаниями». Результат знакомства с фактами легендарной биографии пророка сказался в новых «Подражаниях Корану», в частности в стихотворении *«Клянусь четой и нечетой»* (1 Подражания Корана) — своеобразной увертюре этого цикла. Отталкиваясь от первого стиха, избранной для подражания суры 93 *«Клянусь лучезарностью солнечного восхода и темнотою ночи, что господь твой не оставил тебя»* (Книга Аль-Коран, с.368), Пушкин насыщает четверостишие другими клятвами. На первый взгляд причудливо неожиданные, они соотнесены с главными темами цикла.

Мы попытались изложить наиболее обоснованные точки зрения и в процессе изложения определили свое отношение к высказанным и уже ставшими классическими в науке мнениями. Эти точки зрения при всей кажущейся их полярности не противоречат друг другу, а взаимодополняют. И в своем анализе «Подражания Корану» как важного этапного произведения в творческой эволюции А. С. Пушкина мы будем опираться на приведенные выше концепции.

2.2. Идеино – художественные особенности цикла «Подражания Корану»

Пушкин в начале ноября 1824 г. сообщал брату Льву Сергеевичу: «Я тружусь во славу Корана...». Это первое письмо брату, только что уехавшему из деревни в Петербург. Письмо везла с собой сестра, тоже уехавшая с матерью в Петербург. Пушкин оставался с отцом, который также готовился к отъезду из Михайловского. Смысл намека, заключавшегося в письме брату, был, конечно, понятен Льву Сергеевичу: он уже был в курсе поэтического замысла брата. По-видимому, Пушкин приступил к «Подражаниям Корану» еще до отъезда брата, то есть в конце октября 1824 г.

К тому времени русская интеллектуальная элита была "заражена" интересом к Востоку. "Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фирдоуси, Гафиз, Джами, Саади ждут русских читателей", — писал в ту пору однокашник Пушкина по Царскосельскому лицей Вильгельм Кюхельбекер. Однако, как это часто бывало, "заражение" публики и интерес русских писателей к Востоку пришли с Запада.

В российском обществе живой интерес вызвали "восточные" стихи из "Западно-Восточного дивана" Гёте, "Гяур", "Абидосская невеста" и другие сочинения Байрона, роман Джонсона "Расселас", поэма Мура "Лалла Рук", полюбившаяся Жуковскому. В "ответ" появились "восточные повести" Осипа Семковского — в ту пору ещё начинающего прозаика, но уже признанного профессора, занявшего кафедру восточных языков Петербургского университета. Востоком увлёкся чуткий к спросу публики Фаддей Булгарин ("Зуб Чингиз-хана", "Омар и просвещение", восточные сюжеты в романе "Иван Выжигин")...

Обращение Пушкина к экзотическим культурам в романтический период творчества является отзвуком анакреонтических и эпикурейских мотивов Батюшкова, романтической музыки Жуковского. Увлеченный языческой греко-римской античной образностью (в лицейский и петербургский период) Пушкин пишет в русле традиций,

но своеобразие его творческой манеры обусловлено способностью органично соединить разнонаправленные тенденции. В результате в его понимании античная культура — не только отвлеченная сфера, но и воспринятый из политической поэзии романтиков суггестивный образ свободы людей. Высказанная Гуковским мысль о том, что под воздействием общественно-политической ситуации меняется облик античности, через пятьдесят лет находит подтверждение в работе Т.Г.Мальчуковой "Античные и христианские традиции в поэзии А.С.Пушкина".

Это исследование дополняет наше представление об истоках романтизма. Античность, как убедительно доказывает Мальчукова, начинает восприниматься как сегодняшняя реальность, связанная в сознании Пушкина и его современников с идеалом героической борьбы за свободу. Восстание греков против турецкого ига в 1821 г. пробудило всеобщее сочувствие и героический энтузиазм вольнолюбивых душ.

Поэтическое воплощение Востока в лирике Пушкина этого периода также осуществлялось в русле поэтики романтизма: "восточный стиль" был "пестрым", "роскошным" стилем неги, земного идеала страстей и наслаждений, соединенного с воинственностью и неукротимой жадной воли. Все это романтизм искал и в других первобытно-народных культурах, воспроизводя их "в духе сказочной экзотики, фантастики, в роскошном колорите и описании таинственных приключений".

Истоками нового восприятия Пушкиным культуры Востока стало то, что на смену книжным представлениям приходят живые, непосредственные впечатления от собственного знакомства с бытом и жизнью восточных народов, полученные в период южной ссылки, в результате посещения Крыма, Кавказа и "азиатского заключения" в Бессарабии. Пристальный интерес поэта к иному этнографическому и культурному миру стал питательной почвой, на которой возникли романтические поэмы Пушкина.

Проблема восточных элементов в творчестве Пушкина всё более привлекает внимание исследователей. Как справедливо замечено Н.М.Лобиковой, "восточная тема своеобразно сопутствовала творческому росту поэта и отражала в себе этот рост" [Лобикова, 1974: 3]. Увлечённость Пушкина этой темой, безусловно, связана с его вниманием и уважением к своим семейным корням. "Поэт никогда не оставлял интереса к ориентальной тематике. И размышления Пушкина о судьбах народов.

Востока, их поэзии и истории постоянно соприкасались с принципами художественного воссоздания этого мира", - отмечает Д.И.Белкин [Белкин, 1979: 146]. Исследователь выделяет в наследии Пушкина девять регионов, в разные годы привлекавших внимание поэта. Тематически эти регионы озаглавлены так: "Пушкин и российский Восток", "Тема Турции в творчестве Пушкина", "Пушкин и Библейский Восток", "Арабский Восток в стихотворениях Пушкина", "Пушкинские стихи о Персии", "Пушкин в работе над образом Африканца Ганнибала", "Пушкин и культура Китая", "Книги о Монголии в библиотеке Пушкина", "Индийские мотивы в творчестве Пушкина".

Поэтические подражания Пушкина, безусловно, вызваны и стремлением поэта овладеть стилистическим богатством иной, не только европейской культуры: "В 1824 году, уже отходя от романтизма, Пушкин отнюдь не отказался от одного из наиболее прогрессивных и плодотворных принципов романтической школы — принципа всемирной, "универсальной" поэзии. Наоборот, его интерес к литературе всех времен и народов расширяется и углубляется. Об этом свидетельствуют между прочим отдельные его критические замечания в статьях и письмах. Так, например, в письме к А.Бестужеву (февраль 1824 г.) он пишет по поводу арабской сказки "Витязь буланого коня", помещенной О.Сенковским в "Полярной звезде": "Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского"" [Свирин, 1936: 223]. В 1824 году как на постижение, так и на характер раскрытия Пушкиным ориентальных тем и сюжетов уже влияли принципы народности и историзма, сформулированные в его заметке "О народности в литературе", относящейся примерно к 1825 году: "Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и<ли> менее отражается в зеркале поэзии".

Навеянные южными впечатлениями повесть "Кавказский пленник" (1820-1821), поэма "Бахчисарайский фонтан" (1821-1823), стихи "Демон", "Свободы сеятель пустынный" причисляют Пушкина к числу тоже "откликнувшихся" на "восточную тему". Однако некоторые исследователи считают, что его обращение к Корану было всё-таки неожиданным. Другие же, напротив, доказывают, что оно было "органичным" и даже... "неизбежным", хотя дело вовсе не в Востоке самом по себе. Собственных объяснений Пушкина, что побудило его обратиться к священной книге Востока, не

известно. И всё же "ключ" к ответу есть: он в самом содержании "Подражаний". Но... их смысл уже более полутора столетий трактуется весьма по-разному.

К восточной теме Пушкин подошел естественно. «Бахчисарайский фонтан» (1824) построен на противополжении миров: христиански-европейского и мусульманского. В связи с этим внимание Пушкина естественно привлекли религиозные мотивы ислама. К этой теме Пушкин уже подходил в «Татарской песне», включенной в поэму:

*Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.*

Появление в 1824 г. каких бы то ни было подражаний, тем более подражаний книге религиозного содержания, несколько неожиданно в творчестве Пушкина. Поэтому в первую очередь необходимо выяснить действительное соотношение данного произведения Пушкина с подлинным текстом Корана.

К. С. Кашталева пишет, что «вопрос о соотношении «Подражаний» с оригиналом неоднократно подвергался изучению, и в настоящее время определить это отношение можно с достаточной точностью. Однако следует обратить внимание на одну деталь: обычно в поисках параллелей к тексту Пушкина упускают из вида то обстоятельство, что подлинный Коран бесконечно повторяет одни и те же формулы. И часто поиски приводят к тому, что нападают не на то место, которое в действительности имел в виду Пушкин, а на его повторение, почему-либо представляющееся исследователю более удобным для текстуального сопоставления».

Коран — это божье богатство. Искусно прочитав Коран, ты сможешь достигнуть уровня ангела. Даже если ты читаешь не так красиво, то и тогда ты ничего не потеряешь, а получишь благодеяния. Как понятно из этих слов, Коран — это книга Бога, книга, которая несет божественное слово людям. И в такой книге могут ли быть недостатки? Конечно же, нет. Потому что каждое написанное слово имеет различное значение. Коран не повторяет одни и те же формулы.

М. Веревкин перевел Коран с французского перевода Дю Рюера (1770 г.). Перевод Веревкина носит на себе черты оригинальности: русский переводчик придал своему труду своеобразную стилистическую форму. При переводе Корана он воспользовался библейским, церковнославянским стилем. Такой перевод предопределил художественное восприятие Корана как книги, стилистически близкой пророческим книгам Ветхого Завета. Этот библейский стиль сохранил в своих подражаниях и Пушкин.

Первым в русской поэзии обратившись к Корану, Пушкин использовал высокий библейский стиль М.Верёвкина и развил его. Решение это, конечно, было сознательным: ещё в начале 1824 года в руках Пушкина появился Коран в переводе Савари — более точный, чем у Дю Рие и тем более у Верёвкина и уж во всяком случае не "обременённый" библейской стилистикой. Пушкин критически относился к "чистым" стилизациям на восточный лад. Показательно его утверждение о том, что русский поэт "и в упоении восточной роскоши должен сохранять вкус и взор европейца". Выдающимся пушкинистом Б.Томашевским показано, что пушкинские "Подражания Корану" следуют хорошо разработанной в русской поэзии традиции духовных од и переложений псалмов, изошрённо использовавшей стилистику Священного писания. Четыре из девяти подражаний Пушкин написал в форме стансов; второе воспроизводит форму классического десятистишия, применявшегося исключительно в одах; восьмое также воспроизводит одическую строфу XVIII века; седьмое тоже близко по форме к оде; и лишь последнее, девятое приближается к жанру баллады. При всей восточной красочности "Подражания" — чистой воды русская поэзия.

Уже один только выбор стилистики сам по себе снимает вопрос о стремлении Пушкина к точности воспроизведения сур Корана. Освобождал его от этого и жанр цикла — **подражание**: широко используя с древних времён корифеями восточной поэзии, он, по традиции, предполагал собственный голос "подражателя", свободное обращение с "образцом".

Сохранившиеся рабочие тетради Пушкина позволили исследователям детально проследить, как именно обходился поэт с образцом — текстами Корана. Публикуемый на этой полосе фрагмент из книги Б.Томашевского "Пушкин" наглядно показывает это:

поэт почтителен к священной книге мусульман, до самоизнурения стремится к точности. Однако при этом следует собственному, авторскому замыслу, подвигшему его к созданию "Подражаний Корану".

Для Пушкина «Подражания» были только предлогом для разработки собственных лирических тем. Их «подражательность» помогла тому, что привычные метафоры приобрели обновленный характер и особую колоритность благодаря восточному стилю. Таковы, например, обычные метафоры, характеризующие творчество.

Так Пушкин уподоблял свое творчество посеvu:

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...*

В VIII стихотворении «Подражаний» есть строки:

*О, сеятель благополучный!
Сторицей выдает она твоим трудам...*

Присутствует и символика пира:

*Где я на пир воображенья
Бывало, музы призывал...*

Во II стихе «Подражаний»:

*А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его...*

Содержание «Подражаний» многообразно по тематике. Там говорится и о божественном, и добродетельном подаянии, и, следовательно, о греховности скупости, и очень часто о посевах, и о воде, утоляющей жажду, и о райских пирах.

Другая сфера символики, характерной для поэзии пушкинского времени — это бой, сражение, победа, обычно сочетаемые с идеями политического освобождения. Символикой сражения полна поэзия декабристов. Как видим, символика пира введена и в «Подражания».

«Подражания Корану» создавались в тот год, когда Пушкин уже выработывал новую художественную систему — реализм. «Подражания Корану» находятся у истоков этого процесса выработки новой системы. Они уже написаны по принципам

реалистического изображения действительности, хотя на них падает отсвет романтизма.

«Подражания Корану» созданы в переходный период поэтической деятельности Пушкина. Они относятся к числу программных произведений поэта, знаменовавших окончание романтического периода творчества и переход к реализму (см. «Разговор книгопродавца с поэтом», «Пророк», «К Морю» и др.), поэтому вера в торжество новых реалистических принципов художественного творчества, в общественную значительность своего поэтического призвания, мотивы возрождения к активной деятельности пронизывают «Подражания Корану» и являются главными для всего цикла.

Осознав реалистические задачи литературы, Пушкин стремился также передать особенности склада арабской культуры, какими они выступили в таком важном памятнике арабской культуры, как Коран. Так, осмысляя в 1825 г. результаты работы над «Борисом Годуновым», перемены в собственном творчестве в связи с приходом к реализму, споры современников по актуальным проблемам литературного развития (в частности, по проблеме народности), суждения, почерпнутые из новейших специальных работ своего времени, Пушкин писал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹¹

Сущность новаторства Пушкина в «Подражаниях Корану» именно в этом плане в общей форме охарактеризовал Г. А. Гуковский: «Подражания Корану» - это уже реалистическое воссоздание восточной культуры». «Сами изображаемые люди — это объективные, вне поэта и вне читателя реально существующие люди» с особенностями их психики и быта, со складом представлений, вытекающих из условий их жизни.¹²

Итак, «Подражания Корану» по структуре представляют собой цикл стихотворений. Цикл – это группа произведений, сознательно объединенных автором

¹¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах, М., т.6, 1962, С.268

¹² Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. 1965, С.288-289

по жанровому, тематическому, идейному принципу или общностью персонажей. Этот цикл стихотворений Пушкина написан, как уже отмечалось, осенью 1824г. Субъективное, пушкинское начало выступает в авторской взволнованности, вызванной возможностью опосредованно рассказать о своих личных переживаниях, связанных с преодолением кризиса романтического мировоззрения, с развитием представлений о задачах, стоящих перед писателем как важной культурной силой общества, а также о тех нравственных истинах, которые, по мнению Пушкина, выражены в Коране «сильным и поэтическим образом», о художественной значительности и смелости многих коранических образов.

Этот цикл стихотворений написан в объективной манере изображения особенностей содержания и формы источника, подчеркнута внешне по отношению к автору, и если образ автора, его чувства и переживания не сливаются непосредственно с образами и чувствами персонажей этого цикла стихотворений, ибо они имеют свою собственную, внутреннюю логику развития, то одной из форм выражения авторского «Я» являются примечания к тексту «Подражания Корану», органически входящие в структуру цикла. Они позволяют поэту прямо выказать свое отношение к Корану, дают ключ к пониманию этого цикла стихотворений.

Н. М. Лобикова, впервые обратившая внимание на событийную основу цикла, пишет: «Пушкин восстанавливает хронологическую последовательность глав Корана, как бы отражая историю возникновения и развития ислама. С другой стороны, события вводятся во временные рамки, очерчивающие жизненный путь Мухаммеда, позволяя проследить его эволюцию» (19, с.68). Если со вторым из этих положений можно с некоторыми оговорками согласиться, то первое вызывает решительное возражение. Пушкинский цикл в целом и отдельные его стихотворения явно искажаются, как только мы начинаем искать в них «историю ислама». Если так, то мы в самом деле должны увидеть, как в соответствии с доступными ему источниками поэт утверждал, что «за проповедью новой веры скрывались узурпаторские намерения проповедника»¹³

¹³ Лобикова Е. А. Пушкин и Восток. Очерки. М., 1974, С.77

"Подражания Корану" — **лирическое произведение** Пушкина, "подражательность" его служит лишь обновлению характера привычных метафор, придавая им особую колоритность благодаря "восточному стилю". Наиболее убедительное подтверждение тому — пушкинские черновики, в которых внесённые автором изменения оказываются **отступлениями от текста Корана**: отделявая свои стихи, Пушкин иной раз приносит в жертву и точное значение, и общий дух выбранных имместизоригинала.

Да и самый выбор Пушкиным тем для подражаний свидетельствует о том, что он вовсе не намеревался дать представление русскому читателю о содержании религиозно-юридического кодекса мусульман. Поэт выбрал из Корана места вовсе не типичные для него, в пределах отобранного кое-что прибавляет и кое-что отбрасывает, а в обработке не считается с фразеологией Корана.

Итак, "Подражания Корану" — лирический цикл, более того — **героическая лирика** Пушкина, воплотившая переживания поэта-изгнанника, захватившие его с кризисом былых романтических настроений периода южной ссылки, с осмыслением цели творчества и назначения поэта.

Лирический герой пушкинского цикла ни на миг не колеблется в своих побуждениях, изначально праведных; он настолько уверен в этом, что не способен даже уязвляться подозрениями.

Обогащенный «агиографической» темой, цикл «Подражания Корану» приобрел лиро-эпический характер. Особо подчеркнуты в его «сюжете» два события: изгнание Мухаммеда и его возвращение на родину. Вместе с тем это не просто событийный ряд, но и своеобразная лирическая тема. В период работы над циклом Пушкин сопоставлял свою судьбу с судьбой гонимого пророка.

Лирический герой «Подражания Корану» всегда разная личность: то это пророк, то это поэт, занятый поисками путей своей поэзии.

В IV «Подражании» лирическим героем становится сам Мухаммед; это переход, несмотря на его содержательную роль, - не подчеркни его в специальном примечании сам Пушкин, - почти незаметен в общем движении цикла, ибо, хотя бог обращается и к Магомету (в I «Подражании») и к его близким (во II «Подражании») и дальним (в III «Подражании»), он, в сущности, говорит только с пророком; его, избранного, опекает и поддерживает. Поэтому когда Магомет говорит сам, он вступает в диалог с божеством

(«С тобою, Боже...»), почти сливаясь со всеми в порыве к богу («Да притечем и мы ко свету»), имея высшее право говорить доверительно с праведными от лица бога:

*Вы победили, слава вам,
А малодушным посмеянье,
Они на дивное призванье.
Не сили, не веря дивным снам.*

В VIII «Подражании» мы снова наблюдаем смену субъекта и объекта. О пророке опять (как и в первой части цикла) говорится в третьем лице, но инерция предыдущих стихотворений создает стойкое впечатление, что субъектом все же является здесь сам пророк, погруженный в себя, смиренно («боязливо») обращающий заветы высших истин к себе самому, в себе самом подозревающий суетность («Печальные мысли, лукавые сны») и жаждущий очиститься от скверны. В следующем стихотворении пророк обращается к каждому, ко всем, без деления на «праведных» и «нечестивых», - наоборот, тень возможности такого деления уничтожает смысл деятельности самого сеятеля, подвижника. И, наконец, в последнем «Подражании» окончательно преодолевается односторонняя речь, обращенная к безответному собеседнику. Здесь впервые возникает диалог, причем без посредника (пророка), диалог земного человека с небом.

Все собрание стихотворений Пушкина проникнуто идеей становления (своеобразного «взросления») поэта как личности и художника. Если в начале сборника перед нами предстает «неопытный мечтатель», то в конце его «искатель новых впечатлений», пройдя свой «мрачный путь», «для сердца новую вкушает тишину». Характерно, что идея пройденного жизненного пути в этом стихотворении Пушкина соседствует с идеей творческого перерождения и возрождения поэта. Пройденный круг жизни, связанный с утратами и обретениями, означает одновременно и возврат к устойчивым ценностям жизни, и восхождение на новую духовную высоту.

Раздел «Посланий», наиболее приближенный, как нам кажется, к личностному миру поэта, предваряет заключительный раздел сборника «Подражания Корану», как бы «размыкающий» личность поэта в плане морально-этических и нравственно-философских обобщений.

Исследователи творчества Пушкина, в частности Б. В. Томашевский и Н. В. Измайлов, в своих работах неоднократно подчеркивали, что «Подражания Корану» - это не просто «несколько вольных подражаний» в традиционном понимании, а художественно единый цикл стихотворений, в центре которого стоит судьба гонимого пророка, близкая к биографической судьбе самого поэта. На наш взгляд, перед нами предстают даже не просто отдельные, хотя и взаимосвязанные между собой эпизоды из жизни пророка, но и важнейшие (и в известном смысле решающие) этапы человеческой судьбы вообще. Дело в том, что пушкинский пророк обращен, с одной стороны, к небесной жизни, с другой – к земной правде. Такому восприятию пророка, его «двойственности» во многом, думается, способствует достаточно сложная субъективная организация цикла.

Данная структура субъективной организации стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк...» позволяет увидеть основной конфликт пушкинского цикла. На наш взгляд, он состоит прежде всего в колебаниях пророка между приверженностью к истине небесной жизни (Аллаху) и тяготением к земной правде (человеку), в его напряженных исканиях некой нравственной нормы человеческого бытия.

Смысл финала пушкинских «Подражания Корану» как раз в том и состоит, чтобы показать, что не только человек повторяет путь «пророка», но и «пророк» повторяет путь человека, это свидетельство единства мира. Последнее «Подражание» Пушкина, в притчевой форме рассказывающее о судьбе путника, как бы универсализирует жизненный путь пророка, снимает момент его исключительности, сближает его судьбу с судьбой человеческой. Но в таком сопоставлении нельзя не увидеть и возвышенного понимания жизненного пути человека как поиска правды.

В середине 20-х годов религиозной темой для Пушкина становится эта философская тема («Подражания Корану») и философские стихотворения. Перед нами размышление о соотношении божественного и человеческого смысла, человеческого существования и места человека в жизни.

Коран — это книга, ниспосланная Всевышним людям во всем её величии, отвечающая их материальным и духовным потребностям.

Коран — это книга счастья и благоденствия. Это святая и праведная книга. Эта книга – само счастье.

Коран — речь Аллаха, а человек — божий раб. Аллах единственный создает отношения между этими тремя факторами: Бог — Коран — человек.

Коран — это чудо. Он ни в коем случае не является человеческим словом. Свидетельство тому - его высказывания о прошлом и будущем. Благодаря новейшим открытиям сегодня становится известным образ жизни древних народов, их славный или печальный конец, и оказывается, что именно так все и было описано в Священном Коране столетия тому назад. Вот они - пророки Салих, Лот, Муса, многие другие! Вот их народы!.. Вот места их обитания, сами по себе являющиеся поучительным примером!

Священный Коран - чудо красноречия, и ничто не может с ним сравниться. Это еще один аргумент в пользу того, что он не создан человеком.

Материал сур Корана, который Пушкин кладет в основу каждого из своих «Подражаний Корану», неодинаков по своему значению и занимаемому месту в Коране. В значительной мере это относительно большие куски связного текста поучений из одной какой-нибудь суры. Они лежат в основе шести подражаний из девяти: о поведении жен Мухаммеда и его гостей для 2 Подражаний — из 33-й суры «Артели»; о ничтожестве человека перед Богом для 3 Подражаний — из 48-й суры «Слепой»; о споре царя Нимврода с богом для 4 Подражаний — из 2-й суры «Крава»; о чудесном пробуждении путника по воле Аллаха для 9 Подражаний — из 2-й суры «Крава».

В то же время в основе двух подражаний из девяти лежат очень небольшие по величине тексты. Взятые из разных сур (это клятва Аллаха для 1 Подражаний — из 89, 86, 103-й сур; это назидания (наставления) Аллаха своему пророку для 1 подражаний — из 93-й и других сур; это представления древних арабов о мироздании и о его божественном происхождении для 5 Подражаний — из 21, 24, 25, 16-й и других сур).

К первому слову текста («Клянуся») дано примечание: «Мухаммед роптал на архангела Гавриила, что редко является ему»

Из примечания Пушкина к первому подражанию явствует, что он не ограничился текстом выбранного места: формула клятвы составлена из разных сур Корана, например, из главы «Заря»: *«Клянуся зарею; десятою ночью месяца; четую и нечетую; ночи наступлением; что нечестивии покажутся»*. Аналогичные клятвы упоминаются в примечании Пушкина. Но такое дополнение к тексту ограничивается

только формулой клятвы. В остальном Пушкин просто переработал оригинал, лишь кое-где принимая во внимание аналогичные мотивы из других сур Корана. В самом начале вместо сиротства Пушкин говорит об изгнании. Между тем хотя в Коране в жизнеописании Мухаммеда и говорится о гонении, бегстве, изгнании, но текста, аналогичного пушкинскому, в Коране не обнаружим.

Итак, под пером Пушкина текст Корана сильно видоизменился. И в восприятии Пушкина в разной степени выступают две темы: обращение с молитвой прощения у Бога и тема, провозглашающая силу слова, дар убеждения в борьбе с обманом во имя правды. Религиозная символика превращается в прозрачное аллегорическое покрывало, за которым ясен подлинный смысл. Введенные Пушкиным новые мотивы, не имеющие соответствия в Коране, отвечают событиям его личной и творческой жизни.

Другой пример, показывающий характер работы Пушкина над текстом Корана, предстает в четвертом подражании. Вот текст Веревкина (глава «Крава»): «Не рассуждаете ли вы о деянии такового (здесь подразумевается Нимврод – прим. пер.), коему дал господь царство? Како состязается он о боге со Ибрагимом? Ибрагим рек ему: господь мой дает и жизнь и смерть; он же: я даю и смерть и смерть из подданных моих, кому хочу. Ибрагим: бог подымет солнце с востока, подними его с запада: неверный смутился умом» (сура Крава). Пушкин в своем переложении устранил упоминание Ибрагима и поставил царя в непосредственное состязание с богом. В Коране царь не наделен никакими оценочными эпитетами. У Пушкина они введены:

Безумной гордостью обильный...

Но смолкла похвальба порока...

Совсем иного типа подражание пятое. В Коране нет такого места, которое бы соответствовало содержанию всего этого подражания в целом. Здесь собраны воедино темы разных отрывков из Корана. По своему построению это пятое подражание, в отличие от прочих, собрано из разных мест Корана. Приведенные примеры обработки текста Корана показывают, как свободно обращался Пушкин с оригиналом. И те, кто искал в стихах Пушкина точности в передаче арабского памятника письменности, не могли признать за подражаниями Пушкина никакого достоинства. В пятом подражании

интересен вариант первых двух стихов заключительного четверостишия. Вместо окончательного:

Он милосерд: он Мухаммеду

Открыл сияющий Коран....

было:

Он в день гоненья Мухаммеду

Открыл сияющий Коран.

В подлиннике нет упоминания о гонении. Это отступление тем характерно, что вообще первоначальные варианты дают текст более близкий к переводу Веревкина, чем текст окончательный. И этот цикл следует рассматривать не как попытку объективного отражения нравов и культуры мусульманских народностей, а как лирический цикл, отражающий собственные настроения и переживания поэта. Эти лирические настроения Пушкина обнаруживаются при анализе отдельных подражаний.

Тема войны и победы в шестом подражании перекликается с декабристскими настроениями этого периода. В это время Пушкин был в достаточной мере уверен в конечной и близкой победе освободительных идей.

К шестому подражанию непосредственно примыкает третье. Именно о нем писал Рылеев Пушкину в апреле 1825г.: «Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелесть; особенно отрывки из Алькорана. Страшный суд ужасен!»

И брат от брата побежит,

И сын от матери отпрянет..

Понятно, что мотивы мирового потрясения, катаклизмов были близки поэтическому сознанию декабристов. «Страшный суд» - это поэтическая символика решающей победы.

Достаточно отчетливо выступают коранические мотивы в четвертом подражании, где царь состязается во всемогуществе с богом. Смысл этого подражания раскрывается эпитетами, которыми Пушкин наделил царя, и которых нет в Коране.

Иного типа последнее, девятое, подражание. Здесь из краткого изложения Корана Пушкин создал законченную, развитую картину. Для этого он воспользовался отрывком из суры «Крава»: «Размысли о деянии, вышедшего из селения опустошенного и разоренного, вещающего к себе сице; како может дать жизнь бог умерщвленным здесь и восстановити селение по-прежнему? Бог умертвил самого его, по прошествии ста лет воскресив, сказал ему: давно ли ты на месте сем? Отвечал: единый день с половиною (сура «Крава»).

Так по поводу девятого подражания К. С. Кашталева писала: «Следует сказать, что это подражание, вопреки общему мнению, является самым неудачным. Медленное, логически последовательное развитие действий, подробности описания отдельных положений, сами длинноты повествования не характерны для Корана. Главным же недостатком, в противоположность опять общему мнению, является то, что Пушкин допустил здесь изменение в сюжете подлинника, от которого сильно пострадал весь характер Подражаний»¹⁴

Остальные подражания гораздо менее конкретны и более свободны от намеков. Но все они содержат элементы личной лирики Пушкина, и, во всяком случае, ни одна лирическая тема подражаний не воспроизводит просто заимствованную из Корана черту, чуждую лирике Пушкина.

Так, еще Н. Ф. Сумцов отметил, что девятое подражание является подготовкой к теме «Пророка». Такими подготовительными подражаниями, замечавшими тему «Пророка», он считал первое и девятое. В девятом подражании присутствует тема возрождения через смерть, тема утоленной жажды, тема перехода от малодушия к полноте жизненных сил и «святых восторгов».

Характерна тема восьмого подражания о скупости и щедрости. Тема эта соединена с мотивом сеятеля. Данный мотив для Пушкина имел вполне определенный смысл после его стихотворения 1823 г. «Свободы сеятель пустынный». «Благородная надежда» истинного поэта в подражании чужим гениальным творениям отыскать «новые миры» в цикле «Подражания Корану» приводит к довольно неожиданному результату: за внешними колоритными чертами иной культуры Пушкин открывает все

¹⁴ Кашталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник». Записки Коллегии Востоковедов, т.5. Л., 1930, С.259-260

тот же мир земной красоты и нравственной истины. В этом, по-видимому, и заключается тайна всемирной отзывчивости гения Пушкина, постоянно ощущавшего сущностное единство мира, общего для всего человечества.

Коран привлекал Пушкина как памятник культуры, отразивший черты личности самого Мухаммеда. Работая над «Подражаниями Корану», Пушкин использовал жизнеописание пророка. По мнению С. А. Фомичева это доказывают строчки из первого «Подражания»:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел главу его любя
И скрыл от зоркого гоненья.

Данные строчки прямо соотнесены с эпизодом, упоминаемым в биографии пророка, написанной Савари. Здесь говорится о том, что при бегстве из Мекки Мухаммед со своими спутниками скрылся в пещере, перед входом в которую по мановению небес выросло дерево. Пещера эта была обнаружена преследователями, но входить в нее они не решились.

Это же четверостишие Н. М. Лобикова рассматривает как ранний период деятельности пророка. Цикл открывается «подражанием», в котором Пушкин использовал 93 суру («Утро»). В монологе Аллах обращается к гонимому людьми пророку:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

93(3) «Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел» (5) «Господь твой непременно одарит тебя, и ты будешь удовлетворен» (6) «Разве не он нашел тебя сиротой и не дал тебе приют» (7) «Он нашел тебя заблудшим и повел прямым путем?» (8) «Он нашел тебя бедным и обогатил?» ...

Во втором «Подражании» Мухаммед, представлен, в сфере личной жизни. Оно построено на заповедях для ближайшего окружения пророка, его жен и единомышленников. «Ревность араба так и дышит в сих заповедях», - писал Пушкин в примечаниях.

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень пророка.

...

Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

33(30) «О, жены Пророка! Если кто из вас совершит явную мерзость, то ее мучения будут удвоены. Это для Аллаха легко.» (31) «А ты из вас, которая будет покорна Аллаху и Его Посланнику и будет поступать праведно, Мы одарим вознаграждением, и Мы приготовили для нее щедрый удел.» (32) «О, жены Пророка! Вы не таковы, как любая другая женщина. Если вы богобоязненны, то не проявляйте нежности в речах, дабы не возжелал вас тот, чье сердце поражено недугом, а говорите достойным образом».

Как мы видим сура 33 послужила основой второго «Подражания». Эта сура рассказывает нам историю о том, как Мухаммед влюбился в жену своего невольника Зеида, Зейнаб. Мухаммед заставляет его развестись ибо сам пророк сватается к его жене. Пророк жениться на Зейнаб, но гости во время свадьбы осуждают постыдный развод и нечестивый брак. В это время пророку явилось откровение: 33(37) «Вот ты сказал тому, кому Аллах оказал милость и кому ты сам оказал милость: «Удержи свою жену и побойся Аллаха». Ты скрыл в своей душе то, что Аллах сделает явным, и ты опасался людей, хотя Аллах больше заслуживает того, чтобы ты опасался Его. Когда же Зейд удовлетворил свое желание с ней свое желание, Мы женили тебя на ней, чтобы верующие не испытывали никакого стеснения в отношении жен своих приемных сыновей после того, как те удовлетворят с ними свое желание. Веление Аллаха обязательно исполняется!» (38) «На Пророке нет греха в том, что предписал для него

Аллах. Таково было установление Аллаха для тех, которые жили прежде. веление Аллаха является решением predetermined».

Пушкин, зная эти подробности, в «Подражании» довольствуется лишь «откровением». Здесь стоит отметить, что Пушкин отобрал для своего цикла события, которые вызвали у современных ему историков скептические комментарии. Но говоря о содержании цикла, необходимо помнить, что поэт создает обобщенно-лирический образ.

В третьем «Подражании» Мухаммед возвещает людям свое учение, но он не призван, в его проповедь не верят, встречают ее с недоумением. Само третье «Подражание» - короткая драматическая сценка, выхваченная из восточной жизни и отражающая ранний период развития ислама – пророк уклоняется от спора с «нечестивыми»:

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье..

80(1) «Он нахмурился и отвернулся, (2) потому что к нему подошел слепой». Этот короткий эпизод сменяется важной для Пушкина мыслью – репликой Аллаха, призывающего Мухаммеда распространять его учение, не прибегая к насилию:

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых:
Спокойно возвещай Коран,
Не побуждая нечестивых!

80(11) «Но нет! Это есть Назидание, (12) и пусть помянет его всякий желающий. (13) Оно записано в свитках почитаемых, (14) вознесенных и очищенных, (15) в руках посланцев (16) благородных и покорных».

В четвертом и пятом стихотворениях цикла Александр Сергеевич переходит от личности Мухаммеда к выражению общих мотивов Корана. В шестом стихотворении поэт вновь возвращается к своему герою, но мы видим героя на другом этапе его деятельности. Мухаммед, восторжествовавший пророк, который призывает к

«священной войне», силой оружия заставляет нечестивых покориться, отдает приказы, диктует «правоверным» как вести себя с уклонившимися от боя. Он полководец, увенчанный победой. За участие в войне он обещает награды: живым бойцам – молодые рабыни и военная добыча, для погибших – гурии и наслаждение в Эдеме.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!

...

Блаженны падшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравляемом ничем.

61(11) «Веруйте в Аллаха и Его Посланника и сражайтесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Так будет лучше для вас, если бы вы только знали.»

61(12) «Он простит вам ваши грехи, введет вас в Райские сады, в которых текут реки, и в прекрасные жилища в садах Эдема...»

Как мы видим, шестое стихотворение цикла повторяет 11 и 12 аяты 61 суры, указывая на то, что такие обещания и награды были действенным средством воинственной пропаганды Мухаммеда. Вережкин отмечал в своем предисловии, что за проповедью новой веры скрывались иные намерения – провозглашение Мухаммеда пороком божьим, что дало бы ему возможность распространения своего учения силой и затем завоевать весь мир.

В этом же подражании мы встречаем ещё одно подтверждение того, что Пушкин использовал биографию Мухаммеда:

Не даром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Данные строки рассказывают нам о ярком событии из жизни пророка. В 628 году изгнанник Мухаммед решил отправиться на молебствие к храму Кааба в Мекке, это было во время набожных странствий, когда все войны прекращались. Видение Магомета о благополучном исходе этого намерения убедило его приверженцев, которые вместе с ним отправились к святыне. Расположившись лагерем близ Мекки, Мухаммед не решился войти в город, дав своим спутникам указ обрить головы и заколоть жертвенных верблюдов в лагере (обычный ритуал при посещении Каабы), после чего возвратиться в Медину. Когда же ему напомнили о пророческом сне, он был вынужден уточнить, что исполнение сна обещано через год.

В седьмом «Подражании» создается образ смиренного пророка, который, одержав победу над врагами, остался верен ранним устоям своей подвижнической деятельности.

Восстань, боязливый:

В пещере твоей

Святая лампада

До утра горит.

Сердечной молитвой,

Пророк, удали

Печальные мысли,

Лукавые сны!

До утра молитву

Смиренно твори;

Небесную книгу

До утра читай!

73(2) «Простаивай ночь без малого, (3) половину ночи или чуть меньше того, (4) или чуть больше того, и читай Коран размеренным чтением. (5) Мы непременно ниспошлем тебе весомые слова. (6) Воистину, молитвы после пробуждения среди ночи тяжелее и яснее по изложению. (7) Воистину, днем ты бываешь по долгу занят. (8) Поминай же имя Господа твоего и посвяти себя Ему полностью».

73 сура Корана («Закутавшийся»), послужившая прообразом для этого «Подражания», считается одной из самых ранних, когда Мухаммед получал первые послания от архангела Гавриила.

В наброске стихотворения первая строчка была такой: «В пещере тайной в день гоненья...» (лист 68 об.). Эта строка относится к легенде, согласно которой в пещере на горе Тор (близ Мекки), архангел Гавриил по обыкновению вручал Мухаммеду суры из Корана. В той же пещере Мухаммед провел ночь после изгнания из Мекки. Таким образом, седьмое «подражание» ориентирует вторая половина первого и все следующие четверостишья, а это помогает поэту создать обобщенно-лирический образ пророка. Герой проходит сквозь испытания и гонения.

Здесь можно сделать вывод о событийной хронологии отдельных стихотворений цикла, позволяющих понять лирический образ пророка:

«Клянись четой и нечетой...» - бегство Магмета из Мекки в Медину, 622 год.

«О, жены чистые пророка...» - женидьба на Зейнаб, 627 года.

«Смутясь, нахмурился пророк...» - до изгнания из Мекки, то есть до 622 года.

«Не даром вы приснились мне...» - возвращение в Мекку, 630 год (пророческий сон – двумя годами ранее, в 628 году)

«Восстань боязливый...» - вскоре после первого видения в пещере на горе Тор, то есть после 609 года.

Обогащенный «агиографической» темой, цикл «Подражания Корану» приобрел лиро-эпический характер. В сюжете отведено особое внимание изгнанию Мухаммеда в Медину и его возвращение в Мекку. Это является своеобразной лирической темой. В период работы над циклом Пушкин сопоставлял свою судьбу с судьбой гонимого пророка. Пушкину был близок поэтический смысл легенды о Мухаммеде, согласно которой время самых тяжелых испытаний – изгнание из родного города, проклятье со стороны близких и родных, - стало для пророка началом полнейшего торжества его учения – именно из Медины оно распространилось по всей Аравии.

«Подражания Корану» являются лирическим циклом Пушкина, в котором поставлены основные вопросы, возникшие перед поэтом вслед за преодолением романтических настроений, приводивших Пушкина к индивидуалистическому решению вопросов о цели творчества и назначении поэта. В «Подражаниях Корану» в прозрачной форме изображается новый, оптимистический, идеал поэтического

творчества, ставятся новые задачи перед поэтом. В этих подражаниях отразилась вера в силу поэтического слова. В необходимость отрешиться от романтической замкнутости. Особенно подчеркнута тема поэтической проповеди и уверенность в конечной победе истин, провозглашенных поэтом.

«Пророк» завершает этот период (цикл). Есть много точек соприкосновения между «Подражаниями Корану» и «Пророком». В обоих произведениях Пушкиным представлено космическое пространство, беспредельность времени и человек перед лицом вечности. В «Пророке» более определенно показан процесс превращения обыкновенного человека в высшее существо, которому открываются тайны и земной жизни, и вечности.

По мнению поэта, подлинный, настоящий поэт – это пророк, т. е. под образом пророка Пушкин подразумевает поэта, способного донести людям божественную правду («глаголом жги сердца людей» и «бога глас ко мне воззвал»). Эта тема поэта-пророка в «Подражаниях Корану» только контурно обозначена, в «Пророке» она получает завершенное развитие. Таким образом, круг творческих поисков Пушкина, главная в них разработка, тема поэта и поэзии, замыкается стихотворением «Пророк».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования можно заключить следующее:

Середина 20-х годов («Михайловский период») характеризуется интенсивными активными духовными, философскими, морально-этическими и творческими поисками Пушкина. Отражение этих поисков мы находим в таких стихотворениях поэта, как «Подражания Корану», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Пророк». В этих произведениях доминирующими темами выступают: философские, социальные, исторические, нравственно-этические темы. Напрашивается вывод о важном переломном характере этого периода в творческом развитии Пушкина.

Обзор исследований по центральному произведению творчества Пушкина этого периода - «Подражания Корану» показывает, что при всем многообразии высказанных в пушкиноведении мнений выделяются два направления в оценках. Одни критики и ученые признают объективный характер содержания «Подражания», то есть то, что Пушкин стремился поэтически обработать, а местами даже воспроизвести образы, религиозные и философские темы Корана (Н. В. Фридман, Г. А. Гуковский, Н. Соловей). Другие же (Белинский, Анненский, Томашевский) считали, что Пушкин выражал свое субъективное состояние, а обращение к Корану явилось лишь формой воплощения волнующей его идеи о роли поэта и поэзии. На наш взгляд, и в этом убеждает анализ цикла «Подражания Корану», синтезировано соединены оба эти подхода Пушкина к религиозной книге мусульман. С одной стороны, для Пушкина это источник поэзии и даже субъективных, личных мыслей о месте человека в мироздании. С другой стороны, Коран интересен поэту своим религиозным содержанием. Именно эта «книга Вселенной» наводит поэта на размышления о соотношении Бога и человека, небесного и земного.

3. Сопоставление «Подражания Корану» и «Пророка» показывает, что ведущей темой в поэзии Пушкина рассматриваемого периода неизменно оставалась тема поэта и поэзии. Вот почему эти два стихотворения – цикл «Подражания Корану» и «Пророк» – стоят в начале и в конце рассматриваемого периода.

Именно в это время Пушкин приходит к убеждению о высокой миссии поэта. Он начинает осмысливать свое слово поэта как слово пророческое, выражающее высшую правду бытия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдонин-Бирючевский М.А. Пушкин и татары. Ульяновск, 2004

Тексты: Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах, М., т.1,1964

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах, М., т.6, 1962

А. С. Пушкин. Сочинение в трех томах. М., 1985

Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-и томах, М., т.6, 1981

Белкин Д. И. Концепция Востока в творчестве Пушкина. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813-26). М.- Л.,1950

Бонди С. М. О Пушкине. М., 1978

Бурсов Б.И. Судьба Пушкина. Л.,1986

Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6-ти томах, М.,т.6, 1959

Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.: Л., АНСССР, 1962

Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965

Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Автореферат. Екатеринбург, 1996

Джанумов А.С. Русские писатели XIX век. М., 2007

Записки Коллегии Востоковедов, т.5. 1930

Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.,1976

Кашталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник». Записки Коллегии Востоковедов, т.5. Л., 1930

Коновалов Н.В. А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков. Казань,1998

Коран / Перевод академика И. Ю. Крачковского. М., 1990

Коран / Перевод с турецкого,1980

Краткая литературная энциклопедия.

Кулиев Э.Р. Смысловой перевод Священного Корана. Медина, 2004

Лобикова Е. А. Пушкин и Восток. Очерки. М., 1974

Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. М. 1974

Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М.: Наука,1976

Мейлах Б. Очерк жизни и творчества. Изд. АН СССР. М.- Л., 1949

Мейлах Б. С. Творчества А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1984

Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., 1958

Макогоненко Г. П. «Самостоянье человека-залог величия его»//Вопросы литературы. 1974 №6.

Пушкин в русской философской критике. М.: «Книга»,1990

Пушкин об искусстве / под ред. Вишневого А. А. Т.1 М., 1990

Рассадин С. День поэзии 1969. М., 1969

Сегал Д, С. Шварцбанд. Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Jerusalem,

2000 Сквозников В. Лирика Пушкина. М.: «Художественная литература», 1975

Соловей Н. Я. Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн.1. (1813-24). М.- Л., 1956

Томашевский Б. В. Пушкин. Т.2. М.: «Художественная литература», 1990

Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Л.: «Наука», 1986

Фомичев С.А.«Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла. —
В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1978

Е. П.Челышев. Пушкин и мир Востока. М. 1999